

УДК 316.43 (304)

П.Н. Киричѐк

Социокультурные доминанты и онтологические риски транзитивного общества

Аннотация:

В статье рассматривается взаимосвязь онтологических рисков транзитивного (переходного) общества и социокультурных доминант ментального значения. Выявляется причинно-следственная обусловленность общественных мегацелей – самосохранения и развития – в социокультурной статике и динамике. Обозначаются условные пропорции архаики и инноватики в сферах труда, быта, досуга индивидов и групп как социокультурные основания устойчивости транзитивного общества.

Ключевые слова: транзитивное общество, социокультурные доминанты, онтологические риски, социокультурная архаика, социокультурная инноватика, устойчивость общества

Об авторе: Киричѐк Пѐтр Николаевич, доктор социологических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», кафедра цифровой экономики и управления, профессор; эл. почта: kpn54@yandex.ru

Феномен устойчивости общества, который выражается, в первую очередь, в его статике и, во вторую очередь, в его динамике, в целом имеет полифакторный характер – экономический, политический, социальный, нравственный, религиозный, информационный, технологический, коммуникационный и др. При всем различии перечисленных факторов, вместе составляющих условный числитель бытия, есть в социальной их природе нечто единое, что позволяет определить общий знаменатель. Это единство обеспечивает социокультурный модус бытия, слагаемый из специфических доминант (универсалий), адекватных национальному менталитету, заявленному в архетипе, традициях, привычках, обрядах. В открытом или скрытом виде социокультурные доминанты ментального происхождения проявляются в основных сферах деятельности человека, его труда, быта, досуга, что позволяет говорить об особенностях жизни по-русски, по-американски, по-китайски и т.д.

В диалектической сумме все перечисленные факторы устойчивости дают обществу на любой его стадии два основополагающих импульса для разумно-целесообразного бытия: в статическом периметре – самосохраняться, а в динамическом периметре – развиваться. Так уж устроен универсум людской мегаобщности – без самосохранения нет развития, а без развития нет самосохранения. На самом деле, общество не может стоять на месте и спорадически вступает в транзитивное (переходное) состояние для того, чтобы преодолеть уже отработанный канон политического, экономического, культурного бытия и освоить новый, более прогрессивный, аналог. В новом каноне бытия должна прослеживаться разумная калькуляция (детерминация) «долей» архаики и инноватики и адекватных им импульсов самосохранения и развития. Этот момент весьма ответственный для элиты и массы: как показывает мировая практика, история обычно наказывает те людские мегаобщности, которые в своей жизнедеятельности впадают либо в статическую, либо в динамическую крайности.

Во-первых, в статической крайности у людской мегаобщности преобладает стремление в консервативном плане самосохраняться – за счет административного (управленческого) пренебрежения материальными и духовными ресурсами развития на протяжении долгих лет. Такой инерционный крен в жизни России наблюдался в течение XIX века и начале XX века. Тогда, по исторически долгому счету промедлив с ликвидацией крепостной зависимости большинства граждан и отменой самодержавной формы управления, наша держава значительно отстала от передовых стран мира в ходе политического, социального, экономического, культурного развития, проиграв, в конечном счете, по этим причинам две войны – крымскую и японскую.

Идеологическое обоснование крайне выраженному инстинкту самосохранения общественного жизнеустройства тогдашняя элита находила в имманентной русской нации социокультурной доминанте, тенденциозно истолкованной как исконное тяготение народа к самодержавному общественному порядку: «В лице Монарха страна владеет самую сильною центральной властью для подавления всякой крамолы и устранения всех препятствий к народному благу. Она же, упраздня всякую другую власть, дает место и самому широкому самоуправлению, какого может требовать благо самого народа – народа, а не партий. Только по недоразумению думают, что монархия и самодержавие исключают «народную свободу», на самом же деле они обеспечивают ее более, чем всякий шаблонный конституционализм» [2, с. 447].

Опыт примата самосохранения над развитием в масштабном варианте повторился в Советском Союзе в 70-80-е гг. прошлого века: эта коллизия прослеживалась синхронно и в базисе, и в надстройке общественного устройства, оказавшегося в стадии застоя. Феномен производительных сил зациклился на экстенсивном росте объемов производства и перестал воспринимать достижения происходившей в то время научно-технической революции. Система производственных отношений законсервировалась в государственных формах собственности, обмена и распределения валового национального продукта. Материально-техническая подсистема социального воспроизводства сосредоточилась, в первую очередь, на выпуске предметов труда (машин, станков, фабрично-заводского оборудования) и «не хотела» разворачиваться на полную мощность в сторону предметов потребления (одежды, обуви, продуктов питания, быта, сервиса).

Идеологическое обоснование происходивших в стране процессов отличалось догматической стерильностью, оторванной от действительности и реальной социокультурной доминанты, хотя сословность как главный дезинтегратор считавшегося единым и монолитным общества давала о себе знать явными симптомами уже в период хрущевской оттепели. Нравственно-психологический климат в стране постепенно сходил с прежних пафосных высот в связи с понижавшимся уровнем социального самочувствия: «Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно. И никакого выхода из этой скуки наш проект не предлагал. Более того, он прямо утверждал, что дальше будет еще скучнее... Тот социализм, что строили большевики, был эффективен как проект людей, испытавших беду. Это могла быть беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации, беда разрушенной войной страны. Но проект не отвечал запросам общества благополучного – общества, уже пережившего и забывшего беду» [1, с. 227].

Во-вторых, в динамической крайности у людской мегаобщности преобладает стремление радикально развиваться – за счет революционного (разрушительного) пренебрежения материальными и духовными ресурсами самосохранения как не нужного для спроектированных перемен консервативного балласта. Массовый соблазн в один момент решать все назревшие в обществе проблемы всегда много значил в России, и по числу гражданских (крестьянских) войн, а также свершившихся революций россияне в мире уступили только французам. По всем политическим, экономическим, культурным признакам, «в русской истории действует загадочная синусоида, по которой развивается

государство российское... Империя и вообще Россия развивается рывками. Развивается конвульсивно, через «исторические инфаркты» [4].

В очередной раз динамическая крайность социального прогресса, отдавшая примат развитию за счет самосохранения, реализовалась в России в конце XX века. Тогда элита и пошедшая за ее лозунгами масса полностью отказались в общественном бытии и сознании от социокультурных доминант коммунитаризма и, отдав предпочтение аналогам индивидуализма, решились на повторение, уже казалось, пройденного – революционным путем реанимировали в совершенно других конкретно-исторических условиях противоречивый процесс капиталистического строительства собственного производственно-экономического базиса и адекватной ему политико-идеологической надстройки. При этом коренная смена социокультурных доминант априори порождала возникновение различных рисков, которые могли отрицательно сказаться как на самосохранении, так и на развитии страны.

1. Риск первый – в экономической сфере Россия обратилась к существовавшим прежде производственным отношениям, основанным на частных формах собственности, обмена и распределения валового национального продукта, полагаясь на «волшебную» руку всемогущего рынка, способного (в абстрактном представлении) и без государственного вмешательства навести порядок в сфере промышленного, аграрного, строительного производства и дать ему «вечный» импульс к ускоренному развитию. Между тем фактор собственности (кому что принадлежит и кому что достается) в качестве решающего условия эффективности трудовой деятельности в связи с научно-техническим прогрессом уже к середине XX века уступил ведущую роль иным факторам – технологическому, организационному, профессиональному.

Абсолютный отказ от коммунитарной формулы «государство – собственник и работодатель» имел роковые для российского общества социально-экономические последствия. Произошла фактическая деиндустриализация страны с исчезновением целых производственных отраслей, создание которых потребовало в свое время героических усилий нескольких поколений граждан. Появилась стойкая безработица, опустившая миллионы людей, в том числе прекрасных инженеров и специалистов, в прежде не знакомое для них состояние своей «ненужности». Решающую роль в экономике начал играть не первичный (производственный), а вторичный (финансово-банковский) сектор. Страна подседа на сырьевую (газонефтяную) иглу с расточительной эксплуатацией невозполнимых природных ресурсов в обмен с заграницей на постоянно

воспроизводимые предметы – одежду, обувь, пищу, лекарства, бытовую технику и др. В довершение состоялось кричащее расслоение населения на бедных и богатых (с децильным коэффициентом более 20 раз – при норме не более 10 раз). При этом единственное достижение либеральной экономики – быстрый рост числа миллиардеров, крайне удивительный для зарубежных бизнесменов и специалистов.

2. Риск второй – в политической сфере Россия перешла на апробированный в короткий исторический период 1906-1917 гг. (как оказалось, неудачный в итоге) модус общественно-государственного устройства, основанный на сочетании автократического (президент) и демократического (парламент) начал управления страной, но с явным доминированием исполнительной ветви власти над законодательной. Декларировались сформулированные на западный манер права и свободы граждан, учреждалась адекватная общемировому праву система выборов органов власти. Объявлялся плюрализм общественной жизни с возможностью создавать партии, движения, объединения, в конституционном порядке запрещалась государственная идеология, утверждалась свобода слова в печатных, электронных, сетевых средствах массовой информации.

Абсолютный отказ от коммунитарной формулы «народ и партия – едины» (как бы иронично она сегодня не звучала, хотя в годы войны с немцами работала абсолютно) имел роковые для российского общества социально-политические последствия. Произошла фактическая деполитизация страны – в том смысле, что простому гражданину (рабочему, крестьянину, строителю, учителю) прохождение избирательным путем в местный, региональный, федеральный органы власти стало равносильным пролезанию верблюда сквозь угольное ушко. Административный ресурс кандидатов от власти превращал право рядовых граждан на выборах голосовать и избирать в пустую формальность. Главный выборный орган – Государственная Дума – оказался канцелярским придатком к Администрации Президента РФ. Вопреки основному закону, в стране утвердилась с помощью технологий манипулятивного (неправового и контрречевого) характера государственная идеология либерального свойства, ее носителем выступает партия «Единая Россия», а ее представители занимают почти все руководящие должности на федеральном и региональном уровне. Состоялось сословное разделение ранее объединенной нации на «элиту» и «массу» с формально равными, но фактически неравными социально-мобильными возможностями влияния на общественную жизнь страны.

3. Риск третий. В культурной сфере Россия обратилась к принципу автономности духовной сферы социального воспроизводства, ее переводу в границы либерального фундаментализма с минимальной материальной «зависимостью» областей науки и образования от расходной части госбюджета. А также к фактической ликвидации подсистем общественного (идейно-политического, трудового, нравственного) воспитания, модернистскому подходу к «свободе» художественного и самодеятельного творчества, к отказу в стабильной государственной поддержке кино, театра, литературы, искусства, книгоиздания, качественной прессы, народных промыслов и др.

В основе этой «культурной революции» лежал глобальный замысел – полной перелицовки социокультурных доминант евразийского (православного) свойства на евроамериканский (протестантский) лад по самому короткому пути: «Готовым каналом для заражения России либерализмом стала утвердившаяся в нашей стране западническая система образования. За основу брались все те же европейские стандарты и теории – и наряду с гуманитарными и техническими науками интеллигенция получала иные «добавки»: проникалась комплексами «национальной неполноценности», привыкала считать зарубежное «передовым», а свое – «отсталым». А отсюда виделась прописной истиной необходимость реформ по чужеземным образцам» [7, с. 45].

В результате в стране подверглись нигилистической ревизии коренные духовные ценности народного бытия – гуманизм, патриотизм, героизм, коллективизм, альтруизм. Внедренный сверху либеральный фундаментализм установил квазирыночный режим существования в ключевых сферах бытия граждан: в экономике – меркантилизм, в политике – индивидуализм, в культуре – утилитаризм. Лучшее, что было создано нами, как нацией (по М. Горькому), – художественная литература утратила свои уникальные именные черты: патриотическую историчность, масштабную эпичность, глубокую проблемность, изящную лиричность, тонкую психологичность. Отечественное кино превратилось в копию с голливудского – по сути и характеру сценаристики, режиссуры, актерского и операторского мастерства. Публичная сфера буквально засорилась эпатажной медиапродукцией, консистенцию которой составила разрушительная для людского сознания «тройная уха» – чернуха, мокруха, порнуха. В итоге Россия перестала быть духовным полюсом мира, коим она значилась на земном шаре, как минимум, два столетия.

В истории нередко случаются парадоксы, которые опровергают аксиому о том, что настоящее человечества всегда лучше его прошлого, а будущее, в свою очередь, лучше

настоящего. Полный отказ российской элиты в процессе реформ от социокультурных доминант, обеспечивающих устойчивое самосохранение мегаобщности (хотя бы в прежде достигнутом статус-кво), привел к неожиданным для массы негативным последствиям. В проекте задумывался большой прогресс, а на деле вышел масштабный регресс: «Самое невероятное, хотя и очевидное, состоит в том, что ни по одному признаку и показателю общественно-политическая система, сложившаяся в современной России, не выглядит и не является более конкурентоспособной и эффективной, чем отринутая советская система, уклад и образ жизни. Ни по объему производства, ни по производительности труда, ни по уровню благосостояния большинства населения, ни по рождаемости и смертности, ни по здоровью и образованию» [5, с. 12].

Вероятно, симптоматическое явление радикального реформаторства и в пользу, и не в пользу большинства или меньшинства населения написано россиянам на роду: страну населяет уникальный в мировом кросскультурном измерении народ – биментальный, в котором в почти равных долях соседствуют на диффузионной основе европейское и азиатское начала, составляющие статично-динамичный евразийский симбиоз. И эта внутренняя борьба двух различных био-социо-психогенезов в Русском суперэтнотипе, как видно, имеет перманентное свойство то завершаться, то возобновляться в конкретно-исторических условиях...

В итоге, социальные качели приходят в движение с вполне определенной закономерностью: а) в одной эпохе с нерешенными в пользу отдельно взятой личности (меньшинства) материальными и духовными проблемами (противоречиями) начинает доминировать европейское начало, и россияне уходят в индивидуализм как принцип повседневной жизни и модус общественно-политического жизнеустройства; б) в другой эпохе с нерешенными в пользу коллектива (большинства) материальными и духовными проблемами (противоречиями) начинает доминировать азиатское начало, и россияне уходят в коммунитаризм как принцип повседневной жизни и модус общественно-политического жизнеустройства.

Так и качается на Руси из крайности в крайность социальный маятник «индивидуализм – коммунитаризм», ускоряемый или замедляемый различными сменяющимися друг друга властными элитами от царей, премьеров, генсеков, президентов. Если добавить к извечному поиску ментальной идентичности невиданную в мире по масштабам территорию (от холодных льдов до горячих песков), невиданную в природе разность земель (от дремучих лесов до топких болот), невиданную в климате полярность

летне-зимних температур (от плюс 50-ти до минус 50-ти), то можно понять, почему в России возможность стабильного жизнеустройства периодически подвергается всевозможным испытаниям, продиктованным социальным соблазном радикального реформирования.

Пусковой механизм для транзита российского общества в иной, чем прежде, модус жизнеустройства (из капитализма в социализм – и наоборот) один-единственный: это укоренявшийся в бытии и сознании феномен социальной несправедливости, периодически набравшей «критическую массу» в народных настроениях, которая потом выливалась в очередной передел жизни на новых фундаментальных основаниях. Социальная несправедливость всегда была и будет самой неприемлемой для российского менталитета мегахчертой общественного жизнеустройства, которая в разные эпохи находила различные формы социально-экономического выражения.

С одной стороны, в условиях коммунитаризма (социализма) социальная несправедливость как будто лишается своей базовой основы – частно-собственнической формы производства, обмена, распределения материальных и духовных благ в масштабах общества. Вместо стихийно действующих законов спроса, предложения, стоимости государство включает сознательно применяемые механизмы управления и регулирования всех сфер социального воспроизводства. И они обеспечивают большинству граждан примерно равные материальные и духовные условия существования (без риска оказаться за чертой бедности и пополнить люмпен-группы населения), где самыми ценными и доступными оказываются бесплатные (или почти!) образовательные, медицинские, культурные, жилищно-коммунальные услуги.

Однако в наступившем равенстве со временем наступает кризис развития, когда искусственно воспроизводимая и административно поддерживаемая социальная справедливость оборачивается иной стороной, становящейся превращенной ее формой, – уравниловкой. Особенно болезненной для тех слоев населения, которые по реальным доходам могут перейти от жизни среднего достатка к комфортным условиям повседневного бытия, но не в силах перешагнуть установленный сверху предел. Максимальной остроты эта несправедливость достигает при оплате малоквалифицированной ручной работы по более высоким расценкам, нежели высококвалифицированного интеллектуального труда. В результате число недовольных властью граждан из мало- и среднеобеспеченного сословия непрерывно растет, что

приводит, в конце концов, к кардинальному изменению социального статус-кво с точностью до наоборот, как это случилось в социалистической России в 1991 году.

С другой стороны, в условиях индивидуализма (капитализма) имманентная ему социальная несправедливость проявляется в чистом виде, с ужасающими контрастами, когда один человек с трудом находит деньги на лекарство от гриппа, а другой в то же время себе на потеху строит личную подводную лодку и покупает зарубежный футбольный клуб: «Показатель, по которому лидирует Россия, – доля самых состоятельных 5% населения в личном богатстве страны – 82,5%. Остальные 95%, значит, имеют 17,5% – и, как говорится, ни в чем себе не отказывай. Еще убийственная цифра: 96 российских миллиардеров владеют 30% всех личных активов граждан. Средний мировой показатель – 2%, то есть российские миллиардеры в 15 раз круче, чем среднемировые. Согласно нашему Росстату, 22,7 млн. человек (15,7%) имеют доход ниже прожиточного минимума (который у нас, кстати, занижен), то есть являются нищими» [6].

В XX веке правящие и имущие элиты Западной Европы и Северной Америки, в отличие от российских визави, оказались прозорливыми. Уяснив после Октябрьской революции реальную опасность, исходившую от растущей в обществе социальной несправедливости, они приняли кардинальные меры для смягчения жестокостей капитализма и придали ему рядом мер, взятых напрокат у социализма, «человеческое лицо». Однако у капитализма, состоявшегося в сегодняшней России, лицо совсем другое – олигархическое, без сантиментов, когда о здоровье, образовании, культуре народа сверхбогатые граждане не думают и даже не желают налог на сверхприбыли платить больше 13 процентов, как платят за границу, а власть с ними ничего поделать не может с риском получить в стране повторение Октября 1917-го...

Манкировать в России архетипическим принципом социальной справедливости – значит, подвергать общество масштабному риску революционного катаклизма. Тридцать лет тому назад на волне эйфории, связанной с началом демократических реформ в России, многим людям, даже экспертам, казалось, что для успешного управления страной достаточно поменять в составе высшего и среднего руководства коммунистов на либералов, как все сразу наладится и в политике, и в экономике, и в культуре. А новые управленцы, убежденные в необходимости рыночных перемен, занявшие государственные должности, сумеют повести страну по новому пути к светлому будущему европейского образца, где каждый россиянин, независимо от социально-

ролевого статуса, будет жить, как в Швейцарии, и иметь в собственности красивую виллу с лужайкой и бассейном...

Эта сказка не имела шансов стать былью: выросший на одной национальной почве образ жизни не может в полном подобии культивироваться на другой национальной почве. Он обязательно столкнется с мощным сопротивлением иной социокультурной среды. Тем более, что за этот проект – переделки россиян в англосаксов – взялись управленцы-либералы, увидевшие в европеизме и американизме идеально образцовый миропорядок, воцарению которого в нашей стране мешал «совковый» ментальный традиционализм, подлежащий уничтожению: «Опыт России показывает – ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты, испытывающие к ней страх и ненависть. Целенаправленная эксплуатация этих фобий – главная находка нашего противника в «холодной войне» и главная причина российских катастроф» [3, с. 253].

Действительно, на полном отрицании прошлого государственно-строительного опыта (больше того – страха и ненависти к нему со стороны элиты) новой успешной системы управления обществом построить в принципе нельзя. Да и вызвать при этом у народа состояние творчески созидательной пассионарности, необходимой для «рывка вперед», также невозможно. Увы, использованный властью в ходе реформ закон отрицания отрицания для самосохранения и развития общества сработал лишь частично: вместо тезиса (социализм – с одними доминантами) появился антитезис (капитализм – с другими доминантами), но синтеза (конвергенция – со смешанными доминантами), в отличие от китайского проекта модернизации, в России не произошло...

Библиографический список:

1. Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
2. Катков М.Н. Передовицы «Московских ведомостей» // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 года: антология. М.: Гардарики, 2008. 815 с.
3. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Изд-во «Алгоритм», 2006. 352 с.
4. Проханов А.А. Глубинный Сталин // Завтра. 2019. № 9 (1316).
5. Толстых В.И. Российский выбор: В контексте реальной истории. М.: РОССПЭН, 2009. 173 с.
6. Фурсов А. Воля побеждать // Завтра. – 2018. № 1 (1257).
7. Шамбаров В.Е. Антисоветчина, или Оборотни в Кремле. М.: Изд-во «Алгоритм», 2014. 592 с.
8. Lasswell H. The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change // Science and Culture. 1967. № 4. Pp. 34-41.
9. Martin W.J. The information Society. L.: Aslib, 1988. 174 p.

10. Jaspers K. Die Idee der Universität. Berlin, Heidelberg; New York: Springer, 1980. 132 p.

Kirichek P.N. Socio-Cultural Dominants And Ontological Risks Of Transitive Society

The article presents interrelation of ontological risks of a transitive (transitional) society and socio-cultural dominants of mental significance. The cause-and-effect conditionality of social mega-targets such as self-preservation and development is revealed in socio-cultural statics and dynamics. The conditional proportions of archaic and innovation in the spheres of labor, life, leisure of individuals and groups are defined as the socio-cultural basis of the stability of a transitive society.

Keywords: transitive society, socio-cultural dominants, ontological risks, socio-cultural archaic, socio-cultural innovation, stability of society